

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
Карельско-Мурманская Комиссия
SOCIÉTÉ RUSSE DE GÉOGRAPHIE
Commission pour l'investigation de la Karélie et du Mourman

Д. А. ЗОЛОТАРЕВ

ЛОПАРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

($\frac{11}{I}$ — $\frac{11}{V}$ 1927-го года)

D. A. ZOLOTAREV

EXPÉDITION ETHNOLOGIQUE EN LAPONIE

ИЗДАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ЛЕНИНГРАД
1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
Карельско-Мурманская Комиссия
SOCIÉTÉ RUSSE DE GÉOGRAPHIE
Commission pour l'investigation de la Karélie et du Mourman

Д. А. ЗОЛОТАРЕВ

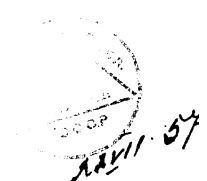
ЛОПАРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

(¹¹/_I—¹¹/_V 1927-го года)

D. A. ZOLOTAREV

EXPÉDITION ETHNOLOGIQUE EN LAPONIE

ИЗДАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ЛЕНИНГРАД
1927

Напечатано по распоряжению Совета Гос. Русского Географического
Общества.

Ученый Секретарь Академик *В. Комаров*.

2007114207

Ленинградский Облит № 52248.—Тираж 1000 экз.— $3\frac{1}{8}$ печ. листа.

Типография 1-й Ленинградской Артели Печатников, Моховая, 40.

ЛОПАРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

(11/1—11/v 1927 года).

Мысль об организации экспедиции к лопарям возникла еще в 1923—24-годах, когда через Этнографический Отдел Государственного Русского Музея был возбужден вопрос об отпуске средств на исследовательские работы. Уже тогда указывалось на необходимость возобновить изучение лопарей, сохранившихся в очень небольшом количестве около 1.640 человек и подвергшихся тяжелым испытаниям последних лет, но до сих пор плохо изученных.

Осенью 1925 года автору с сотрудником А. Л. Колобаевым удалось при очень скромных средствах осуществить разведочную поездку к нотозерским лопарям. Несмотря на кратковременность поездки, был собран значительный материал, характеризующий быт местного населения и знакомящий с глубоким кризисом, пережитым нотозерскими лопарями, покинувшими совсем свой Нотозерский погост. Поездка вместе с тем лишней раз доказала правильность предположений о необходимости, в целях успеха работы, предпринять зимнюю экспедицию, проект которой был разработан автором при содействии Заведующего Мурманским Губернским Статистическим Бюро В. К. Алымова.

Образование Государственным Русским Географическим Обществом Карельско-Мурманской Комиссии дало возможность во всей полноте поставить вопросы о срочности изучения лопарей и о снаряжении с этой целью зимней экспедиции. Инициатива Комиссии, поддержанная Советом Русского Географического Общества, нашла живой отклик в Колонизационном Отделе Мурманской жел. дор., отпустившей при содействии Г. Ф. Чиркина 1.500 рублей на Лопарскую Экспедицию. К сожалению, другая часть денег была отпущена Географическому Обществу Главнаукой в размере 1.900 руб. лишь в конце 1926 года, и только тогда можно было начать работу.

В начале января месяца текущего года экспедиция, в составе руководителя проф. Д. А. Золотарева, врача Ф. Г. Иванова-Дятлова и этнографа В. В. Чарнолуского выехала на работу.

Основными задачами Лопарской Этнологической Экспедиции Русского Географического Общества были антропологическое и медико-гигиеническое исследование и изучение быта лопарей.

Предполагалось, по соглашению с В. К. Алымовым, что экспедиция, занимаясь прежде всего изучением физической природы и быта лопарей, будет собирать материал, учитывая проведение Мурманским Губернским Статистическим Бюро в тех же местах демографической и хозяйственной переписей. Поэтому, экспедиция, интересуясь хозяйственным бытом, статистико-экономическими вопросами специально не занималась, тем более, что В. К. Алымов состоял местным сотрудником экспедиции, неизменно оказывавшим всемерное содействие и охотно предоставлявшим экспедиции различные материалы, находившиеся в его распоряжении.

Такого рода согласование программы работ было особенно ценно при условии почти одновременной работы, как гарантия устранения параллелизма и получения максимальных сведений о жизни лопарей.

Не имея возможности обследовать всех лопарей, решено было сосредоточить внимание на восточной части Кольского полуострова, на внутренних погостах, недоступных совершенно летом и потому до сих пор не изученных.

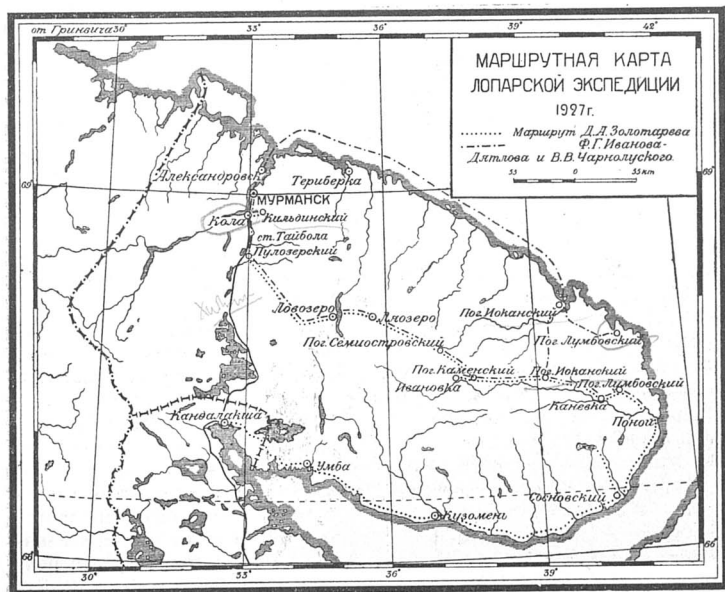
Предполагалось, начав со ст. Пулозеро Мурманской жел. дор. проехать на оленях по возможности дальше на Восток, при благоприятных условиях, до села Поноя в горле Белого моря, проведя более долгое время в одном из восточных погостов. Так, наметив свой маршрут, мы в середине января приступили к исследованиям в Пулозере, возобновив впервые сделанные А. И. Кельсиевым антропологические исследования лопарей пятьдесят лет тому назад (1877 г.).

Надо сказать, что Кельсиеву удалось измерить лишь 34 человека, из них 32 взрослых лопаря. После него в 1904 г. местный уроженец доктор В. А. Шмаков измерил 65 лопарей, в 1925 г. нами было измерено 22 человека и в 1926 г. мурманским врачом Н. В. Халапсиним измерено по сокращенной программе и без необходимых инструментов 50 лопарей (16 мужчин и 13 женщин, 21 детей) в Ловозере. Данные его не опубликованы. Таков, совершенно недостаточный для суждения об антропологических особенностях лопарей, материал имелся до сих пор. Это обстоятельство было побудительной причиной не откладывать дольше антропологическое исследование лопарей, и в виду трудности работ, объясняющих малочисленность прежних измерений, подчинить все другие задачи экспедиции антропологии.

16-го января в Пулозере мы вместе с врачом Ф. Г. Ивановым-Дятловым начали производить измерения и медицинский осмотр лопарей. В. В. Чарнолуский вел регистрацию измеряемых и записывал данные измерений.

В зимних условиях в двух небольших лопарских комнатках поставив антропометр, спирометр, динамометры, весы и циркуля, мы

приняли 16 взрослых лопарей. Они приходили в своих меховых малицах или печках. Тут же раздевались по нашему предложению и, не проявляя недовольства и особого любопытства, спокойно подвергались подробным измерениям, осмотру и различным мало понятным для них операциям, включая изоагглютинацию крови. Условия освещения позволяли заниматься измерениями не более 4—5 часов. Около трех часов дня в комнате становилось затруднительным читать цифры инструментов.

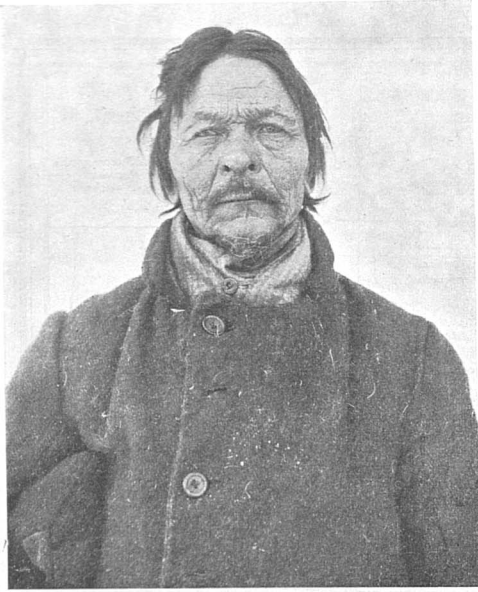

Стояла холодная ветряная погода, не располагавшая к тому, чтобы свободное время употребить на наблюдения на улице. Обойдя небольшой поселок, находящийся рядом со станцией и состоящий из построек железнодорожников, колонистов и лопарей, сравнительно недавно образовавших Пулозеро вместо старого Масельского погоста, мы осмотрели лопарские избы, побывали у жившего здесь заведующего постройкой пешеходной дороги Пулозеро—Ловозеро инженера А. К. Мореншильда и при содействии заведующего Мурманским Музеем А. Н. Михайлова, специально приехавшего помочь нам, стали готовиться к отъезду в Ловозерский погост.

Пулозерский погост имеет 26 дворов с 106 жителями. Близость железной дороги отражается на всем укладе жизни пулозерских лопа-

рей. Они, как и остальные, занимаются оленеводством и рыболовством, но вывозка дров, перевозка грузов и пассажиров играют для них большую роль. При этом, нельзя сказать, чтобы они жили бедно. Разложение старого хозяйственного быта сказывается на пулозерских лопарях, производящих здесь довольно жалкое впечатление. Зато здесь чувствуется влияние городской культуры.

Вечером учитель железнодорожной школы пригласил нас на спектакль в железнодорожном клубе. В большом помещении на длинных лавках расположились зрители, среди которых больше половины было лопарей. Маленькие ребята, подростки и взрослые в своих северных костюмах — чаще всего в меховых малицах и пимах — с большим любопытством смотрели и слушали все, что предлагалось их вниманию.

Пожилой лопарь из З. Иоканги.

Своеобразный вид зрителей, плакаты, украшающие помещение, вроде: «Жизнь коротка — искусство вечно», «Да здравствует девятая годовщина октября» и пр., только что привезенный граммофон, исполнивший речи тов. Бухарина о Краснове и голоде, тов. Ленина о

средняке, тов. Троцкого о кулаках и бедноте, военный марш революционный и марш Буденного, агитационная пьеса, водевиль, детская пьеска «Пальмы и крокодил», предвыборная речь председателя Кольского волисполкома — все это говорило о том, что лопарская тундра, благодаря железной дороге, приобщилась к культуре и, может быть, не часто, но большими порциями принимает все, что могут дать местные культурные работники. Если не все было интересно и понятно лопарям, определенно казалось, что и здесь, среди полярной ночи, в глубокой тундре нарушена замкнутая жизнь с исключительно местными интересами, что тонкие нити, как телеграфные провода, связывают Пулозеро с новой для края жизнью, что будущее поколение уже не повторит жизни своих дедов и даже отцов.

средняке, тов. Троцкого о кулаках и бедноте, военный марш революционный и марш Буденного, агитационная пьеса, водевиль, детская пьеска «Пальмы и крокодил», предвыборная речь председателя Кольского волисполкома — все это говорило о том, что лопарская тундра, благодаря железной дороге, приобщилась к культуре и, может быть, не часто, но большими порциями принимает все, что могут дать местные культурные работники. Если не все было интересно и понятно лопарям, определенно казалось, что и здесь, среди полярной ночи, в глубокой тундре нарушена замкнутая жизнь с исключительно местными интересами, что тонкие нити, как телеграфные провода, связывают Пулозеро с новой для края жизнью, что будущее поколение уже не повторит жизни своих дедов и даже отцов.

Вместе с тем, мы поняли, что, выполнив антропологические работы, нам лучше ехать для этнографических наблюдений дальше на Восток, дальше от «Мурманки».

Готовясь сделать большой путь на оленях в самый холодный месяц, мы запаслись теплой одеждой. Усилив обычный костюм теплым бельем и носками, надев короткие полушубки, мы не без труда и усилий натянули на себя меховые чулки (лепты), высокие пимы и малицы, подпоясав их ремнями. Уже одеваясь, мы почувствовали необыкновенную жару. Представляя собою довольно неуклюжие резервуары тепла, мы двинулись около 6 час. вечера в Ловозеро, находящееся в 110 *к.л.* от Пулозера. Наш поезд состоял из трех подвод. Впереди на 4 оленях, запряженных в довольно высокие сани — нарты самоедского типа, ехал наш ямщик-лопарь лет 17—18, к нартам была подвязана пара оленей с низенькими санями и одним из нас, сзади ехали на тройке двое сотрудников экспедиции, самостоятельно управляя оленями.

Пожилой лопарь из З. Иоканги.

Путь из Пулозера до Ловозера является самым бойким и хорошим. В Ловозеро, как волостной центр и ближайший внутренний погост восточной части Кольского полуострова, ездят сравнительно часто. Лесная дорога местами очень хорошо укатана. Лишь старые пни, выглядывающие из-под снега заставляют посматривать, чтобы не удариться ногами об эти пни, или о камни, также местами выступающие из-под снега. Олени, даже загнанные пулозерские олени, усталые от постоянной езды, бегут бойко и весело. Не сразу привыкаешь к тому, что олени очень тяжело дышат, как опоенные лошади, и, повертывая головы, высовывают свои языки. Местами олени бегут целиной по глубокому снегу, погружаясь по грудь, ловко выскакивая из него и таща за собой сани. Ямщик, держа в руке единственную возжу-хигну, слегка погоняет оленей длинным шестом-хореем. Не-

смотря на мороз и ветер, ехать удивительно приятно. Первое время тепло, как в бане, затем проходит неприятный жар, становится просто тепло. Этому много способствует пазуха, образующаяся выше пояса, прекрасно сохраняющая тепло и позволяющая в случае надобности греть руки. В этой пазухе обычно держат табак и спички, что дает возможность даже во время езды курить.

Лопарская девушка.

В старое время, говорят, в ней возили спирт для согревания в пути. Проехав около 10 км., мы остановились для передышки оленей. При этом, ямщик бросал вперед хорей, слегка дергал налево хигну, и олени сразу останавливались. Они сейчас же начинали пить снег и разыскивать свой любимый ягель. При помощи рога, копыт и морды олени легко добираются до ягеля и, отдохнув минут пять, вновь бегут также бойко. Правда, мы ехали не так быстро, как описывали езду на оленях раньше. В среднем мы делали километров 10—12 в час. Проехав половину, около 60 км., мы остановились на берегу озера, достали воды и дров, развели костер и здесь провели часа три, вместо ночлега. Пока отдыхали и кормились олени, гуляя на свободе, мы пили чай и грели у костра ноги, больше всего пальцы и пятки. Они зяб-

нут, главным образом, потому, что подошвы, находясь на полозьях саней, касаясь снега, оттаивают и отпотевают. Сырость проникает внутрь обуви и способствует охлаждению ноги. В связи с этим необходимо прокладывать лепты и пимы стелькой из сена или соломы. Ночь, проведенная у костра при 25—28° градусном морозе, была необыкновенно приятным началом наших скитаний по тундре. Все, что приходилось читать и слышать о зимних поездках, достаточно сурово рисовало северное путешествие. То обстоятельство, что до сих пор еще ни одна этнографическая экспедиция не проехала нашим маршрутом, также как будто говорило о трудностях пути. Поэтому,

после первой остановки, мы уже бесповоротно и несравненно более смело сказали себе, что отступления не будет, и что мы надолго променяли железную дорогу на олений. Вскоре после нас подъехали к костру инженер—строитель Ловозерской дороги и член президиума Мурманского Губернского Исполнительного Комитета, осматривавшие дорогу и направлявшиеся также в Ловозеро. Наш поезд увеличился. Несмотря на то, что дорога до Ловозера—наиболее торная в крае, мы два раза сбивались с пути и кружили. При ярком лунном свете наши ямщики сравнительно скоро находили дорогу, и мы выбрали на укатанный путь. Утром пришлось еще раз кормить оленей и греться у костра. Только здесь в 20 верстах от Ловозера, в 8—9 часов утра мы почувствовали настоящий холод; особенно зябли ноги. Если до сих пор поездка была только удовольствием, тут она стала неизбежной необходимостью, правда, пока не очень тяжелой.

Около 12 часов дня мы приехали в центр восточно-лопарской тундры—Ловозерский погост. Церковь, небольшие избы, среди которых выделялись ижемские двухэтажные постройки, вытянувшиеся в линию, издали вырисовывались серым пятном на открытом пространстве ловозерской низины. Вдали виднелись, высоко поднимаясь, Ловозерские Хибины. Ясное почти безоблачное небо дало возможность любоваться картиной полуденного солнца, едва показавшегося из-за горного хребта и спрятавшегося, окрасив небосклон изумительными оттенками своего отблеска.

Мы приехали во время, как и стремились, за день до Крещения,—лопарского праздника,—связанного, как говорят, с возвращением солнца после зимнего перерыва.

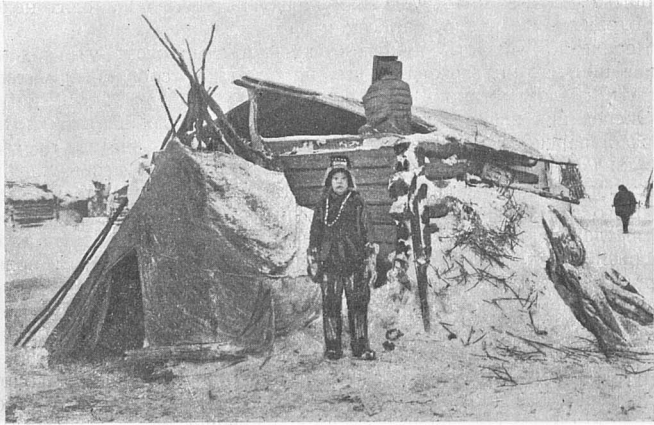
Мы остановились в доме состоятельного ижемца, которого застали за работой: он, сидя около русской печки, нарезал мясо непосредственно с замороженной туши оленя. При этом он и другие члены семьи лакомились сырым мясом. Оленя оттаивали дома, готовясь к празднику.

Самоедка—жена лопаря.

населения, приемы хозяйства, оленеводческий инвентарь, отношение к оленю, и особенно время и пути перекочевок со стадами изучались возможно подробнее на карте. Вместе с оленеводами, прекрасно ориентирующимися даже при первом знакомстве с картой, отмечены места оленьих пастбищ и жилищ в различное время года, а вместе с тем и рыбных угодий. Рассмотрение географической карты с лопарями дало возможность составить оленеводческую карту, констатировать крайнюю неточность карты, на которой реки и даже населенные пункты обозначены совершенно неверно, и внести некоторые исправления, поскольку это возможно. Материал по рыболовству собирался главным образом путем расспросов, так как время было не-

Защита входа в тупу от ветра.

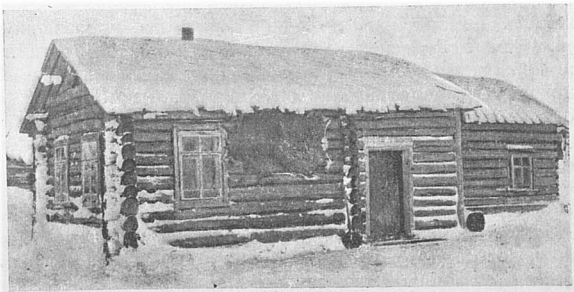
благоприятное для непосредственных наблюдений. Лишь на морском побережье или в устьях рек пришлось видеть рыбную ловлю, в частности, наблюдать лов наваги на удочку у прорубей, во время прилива, когда рыба большими стадами проходит в реку.

Нелишне отметить, что озерным рыболовством занимаются главным образом лопари в то время, как ижемцы предпочитают сосредоточить свое внимание на оленеводстве и покупать рыбу у лопарей. Охота, не утратившая промысловое значение в восточной части полуострова, также дала не мало наблюдений и записей. К сожалению, в текущем году, не говоря о куропатках—«куроптях»—добыча была очень мала, и нам удалось видеть лишь снаряды и старые шкуры песцов, лисиц, медведя, белок и пр. и записывать рассказы охотников, постоянно жаловавшихся на упадок промысла.

Выделку шкур и приготовление замши пришлось видеть на ловозерском заводе, изготовляющем полуфабрикат, и в Иоканге, где

западе, как можно было судить по нашим наблюдениям в Нотозерском районе в 1925 году. Учитывая значение этих влияний, следует согласиться с д-ром Г. Хальстрём, непосредственно знающим кольских лопарей и считающим, что во взаимной борьбе русские, не заинтересованные в оленьих пастбищах, для лопарей «абсолютно безопасны». (G. Hallström. Kololapparnas hotade existens, «Ymer». 1911). Что же касается влияния русских на физическую природу лопарей, то оно должно расцениваться определенно положительно. Недаром в Поное и Пялице мы видим обрусевших потомков смешанных русско-лопарских браков, значительно более сильных, крепких и здоровых, чем лопари.

Ижемское влияние, как новое и сопровождающееся борьбой на основном хозяйственном поприще—оленьеводстве, является для лопарей

Лопарская изба в Иоканге.

несомненной угрозой тем более, что до сих пор они не роднятся между собою. Устранение последнего обстоятельства имело бы очень большие положительные последствия, смягчив неравную экономическую борьбу и внося новые физические силы в среду лопарей. Так возможно было бы поставить евгеническую проблему на Кольском полуострове. Перекрестные браки ижемцев с лопарями дали бы более сильное поколение и теснее связали бы враждующих сейчас соседей по тундре. На финское влияние также необходимо обратить внимание, причем в настоящей работе мы оставим его в стороне, так как оно имеет значение лишь в западной части Кольского полуострова.

Сопоставляя лопарей Пулозера, Кильдинского погоста и Ловозера с лопарями Иокангского и Лумбовского погостов, приходится отметить значительно бóльшую хозяйственную устойчивость и культурность последних. В данном отношении наши наблюдения по материальной и духовной культуре могут представлять существенный интерес, как дополнение к одновременно с нами проведенной переписи. Наши данные по языку и фольклору дают значительный новый материал по той области лопарской культуры, которая очень плохо изучена русскими исследователями. Мы смотрели на это, как на

записан весь процесс домашнего производства с его инвентарем, приемами работы, терминологией и бытовой обстановкой. Точно также описано изготовление ниток из оленьих сухожилий.

Всюду отмечались подсобные занятия населения, при чем влияние железной дороги, притягивающей на дровяные заготовки, сказывается даже в Семиостровском и Каменском погостах. Быт и условия жизни на заготовках специально изучались около ст. Тайбола, где пришлось видеть кочевой образ жизни и вышедшие из употребления в обычной обстановке жилища, как куокса. К сожалению, зимние условия работы не позволяли или сильно затрудняли фотографирование в процессе труда занятия населения. Большое количество ярких картин и наблюдений сохраняется лишь, как незабываемые впечатления своеобразного быта в суровых условиях полярной зимы, и находит некоторое отражение в наших записях и памяти.

Переходя к области духовной культуры, скажем, что в данном отношении нас интересовало все, но основной собранный материал в кратких словах таков.

Экспедиция не ставила себе задачи специальных занятий по изучению лопарского языка, но не могла оставить вне круга своего внимания одного из основных факторов культуры. Имея в виду впоследствии привлечь к работе лингвиста, что удалось сделать летом текущего года, мы считали обязательным присматриваться к особенностям лопарского языка и его местным отличиям, собирать словарный материал и заниматься языком в целях более правильного и полного восприятия этнографических явлений и быта. Работа В. В. Чернолуцкого в данном отношении, несомненно имела определенный результат. Наша работа облегчалась тем, что лопари всюду хорошо понимают и говорят по-русски. Лишь маленькие дети и единичные лица из старух не знают русского языка. Немало русских слов вошло в лопарский язык. Что касается самого лопарского языка, то необходимо указать на очень существенные различия как в языке отдельных погостов, так и в языке старшего и младшего поколений. Ознакомление с местными особенностями Лумбовского, Иокангского, Семиостровского и Кильдинского погостов и расспросы о других погостах дали возможность составить рабочую карту распространения лопарских говоров, как основу для дальнейшего изучения. В процессе работы собран словарный материал, превышающий 1.000 слов. Фольклорные записи заставили обратить внимание на изменения языка, утрату старых форм и терминов и на другие явления в жизни лопарского языка. Сказки сохранили утраченные слова, подчас такие, что переносят нас в отдаленное прошлое, напр., березовый котел— r'as'kemn. Язык записанной Чернолуцким в Лумбовском погосте легенды об олене не только отличается от языка молодого поколения, но и от языка семидесятилетних стариков.

Двадцать пять сказок, записанных главным образом в Иоканге и Лумбовском погосте, давая материал по языку, вместе с тем представляют большой интерес, как произведения народного творчества. Из них особого внимания заслуживает сказка о медведе, распинаемом на дереве. Записано также несколько лопарских песен, пословиц

и поговорок. Очень большой автобиографический и биографический материал собран со слов хорошо знающих быт стариков и старух, доверчиво и с интересом откликнувшихся на просьбу помочь нам в деле изучения их родного народа. Рассказы Авдотьи Николаевны Матрехиной, Варвары Васильевны Куроптевой, Емельяна и Василия Яковлевичей Назаровых, Тимофея Яковлевича Матрехина, Лазаря Федотовича Матрехина, 76-летнего думбовского Ефима Андреевича Данилова, Кондратия Тихоновича Архипова и многих других, вспоминаемых нами с большой благодарностью и признательностью, дали

Изготовление ниток из оленьих сухожилий.

много материала для познания лопарского быта и сохранили хоть часть того, что утрачивается на наших глазах. Вель, более старые из них жили тем прежним лопарским бытом, который сохранился лишь в воспоминаниях и отчасти в литературе. Они помогли подойти к самым трудным и мало доступным для постороннего человека вопросам верований и мировоззрения лопарей. Удалось получить некоторый материал о культе сейдов или сейтов, местами сохраняющем значение и в настоящее время. Чарнолуским записан в Иоканге свадебный обряд, отличающийся от виденного нами в Ловозере.

Золотарев, продолжая свои работы по юридическим знакам, записал несколько сотен домовых мет (клейм) лопарей и ушепятен оленей Семиостровского, Иокангского, Каменского, Сосновского погостов, с. Поноя и русских селений Тетринской волости на Терском

берегу. Часть ушепята вырезана из бумаги самими лопарями, другая часть изображений скопирована из официальных волостных списков.

Длительное общение с лопарями дало очень много материала для суждения о духовном облике этого народа. При безграмотности, не говоря об отдельных лицах, лопари обнаруживают развитие, чрезвычайно хорошо разбираются в географической карте и проявляют интерес к завоеваниям культуры. Слабые физически по природе, часто забытые в силу неблагоприятных условий жизни, ленивые и не достаточно предприимчивые в связи с своеобразием их быта, лопари обладают редкими душевными качествами, невольно располагающими к ним. Хотелось бы, чтобы наши наблюдения в данном отношении содействовали усилению общественного внимания к лопарям и устранению взглядов, основанных на грубом принципе: «пусть гибнут—такова их участь в борьбе за существование».

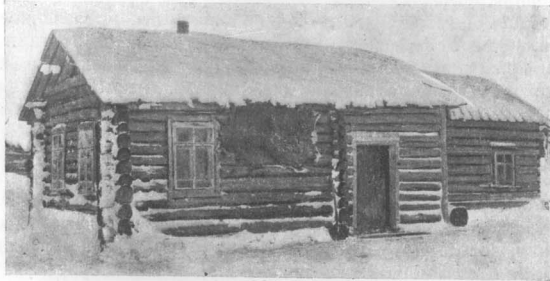
Вспоминая пребывание на Кольском полуострове и оглядываясь назад на выполненную работу, слабое представление о которой мы дали в предварительном отчете, считаем необходимым подвести основные итоги и высказать несколько практических пожеланий.

Проведя зимой четыре месяца в восточной части Кольского полуострова и покрыв на оленях более 1.800 километров, сделав разрез в срединном направлении до горла Белого моря и объехав Терский и Мурманский берега, экспедиция впервые охватила такой большой круг наблюдений.

Антропологическое исследование лопарей, сопровождаемое сравнительным материалом по их соседям и особенно исследования русских из Поноя и Пялицы, где документально доказывается и самим населением подтверждается лопарское родство, давая измерения 500 человек в дополнение к измерениям 34 лопарей Кельсиевым и 65 лопарей Шмаковым, позволило к 50-летию первого антропологического исследования в 1877 году получить достаточный материал для антропологической характеристики лопарей. Данные о физической конституции, состоянии здоровья, болезненности, санитарно-гигиенических условиях жизни населения, остающегося без врачебной помощи и надзора, представляют исключительный интерес и вместе с другим материалом позволяют подойти к решению вопроса о так называемом вырождении лопарей. Не предвещая вопроса прежде чем материал будет проработан, можно сказать, что распространенные довольно широко суждения о вырождении лопарей, повидимому, основанные на грубом толковании впечатлений от внешнего облика лопарей и на неверном представлении о количестве лопарей, требуют пересмотра и плохо вяжутся с особенностями физической природы лопарей, низкорослых и слабосильных, но достаточно здоровых, нормально развитых и проявляющих жизненную силу. Ставя вопрос о вырождении, следует прежде всего иметь в виду социальные условия, учитывать распад старого лопарского быта особенно на западе, культурное воздействие русских на востоке и сильное экономическое давление со стороны ижемцев в центре. Поэтому, казалось бы, более правильным говорить не о физическом вырождении, а об утрате своеобразных культурных особенностей лопарей, под влиянием русских, ижемцев и финнов на

западе, как можно было судить по нашим наблюдениям в Нотозерском районе в 1925 году. Учитывая значение этих влияний, следует согласиться с д-ром Г. Хальстрём, непосредственно знающим кольских лопарей и считающим, что во взаимной борьбе русские, не заинтересованные в оленьих пастбищах, для лопарей «абсолютно безопасны». (G. Hallström. Kololapparnas hotade existens, «Ymer», 1911). Что же касается влияния русских на физическую природу лопарей, то оно должно расцениваться определенно положительно. Недаром в Поное и Пялице мы видим обрусевших потомков смешанных русско-лопарских браков, значительно более сильных, крепких и здоровых, чем лопари.

Ижемское влияние, как новое и сопровождающееся борьбой на основном хозяйственном поприще—олеводстве, является для лопарей

Лопарская изба в Иоканге.

несомненной угрозой тем более, что до сих пор они не роднятся между собою. Устранение последнего обстоятельства имело бы очень большие положительные последствия, смягчив неравную экономическую борьбу и внося новые физические силы в среду лопарей. Так возможно было бы поставить евгеническую проблему на Кольском полуострове. Перекрестные браки ижемцев с лопарями дали бы более сильное поколение и теснее связали бы враждующих сейчас соседей по тундре. На финское влияние также необходимо обратить внимание, причем в настоящей работе мы оставим его в стороне, так как оно имеет значение лишь в западной части Кольского полуострова.

Сопоставляя лопарей Пулозера, Кильдинского погоста и Ловозера с лопарями Иокангского и Лумбовского погостов, приходится отметить значительно большую хозяйственную устойчивость и культурность последних. В данном отношении наши наблюдения по материальной и духовной культуре могут представлять существенный интерес, как дополнение к одновременно с нами проведенной переписи. Наши данные по языку и фольклору дают значительный новый материал по той области лопарской культуры, которая очень плохо изучена русскими исследователями. Мы смотрели на это, как на

начало, требующее дальнейшей работы. К счастью нам удалось продолжить исследование летом текущего года, пригласив, кроме В. В. Чарнолуского, находящегося и в настоящее время у лопарей, финнолога языковеда А. И. Емельянова, прожившего в Иоканге около двух месяцев.

Одной из специальных задач экспедиции было дать материал для монографии лопарского погоста. Наш материал по Иокангскому погосту, пополненный летними наблюдениями и данными Мурманского Губстатбюро позволяет надеяться, что мы будем иметь довольно полную монографию.

Вообще, надо сказать, что согласование работ с Мурманском, главным образом благодаря исключительному содействию В. К. Алымова, значительно обогатило наши наблюдения данными Бюро и других учреждений, а пребывание сотрудников около двух недель в Мурманске дало возможность проверить и дополнить собранные перед этим сведения.

Готовность помочь нам и редкое внимание, проявленное к нам всюду, начиная с Губернского Исполнительного Комитета и кончая рядовыми лопарскими семьями, где мы останавливались, и которых мы расспрашивали, осматривали и измеряли, несмотря на трудное время года и сравнительно короткий срок работы, дало нам импульс и силы выполнить поставленную нами задачу.

Поэтому, тем более приятно выразить благодарность всем учреждениям, оказавшим нам содействие—Мурманской железной дороге, Мурманскому Губернскому Исполкому, Губернскому Статистическому Бюро, Отделу Здравоохранения, Кооперативному Сельскохозяйственному Банку, волостным советам района работы—и, помогавшим нам, особенно В. К. Алымову, Заведующему Мурманским Музеем М. Н. Михайлову, членам президиума Губисполкома т.т. Панову, Моисееву и Павлову, Управляющему Мурманским отделением С-Х. Банка В. И. Осиновскому, сотруднику Статистического Бюро М. К. Карлуну, д-ру Н. В. Халапсину, инженеру А. К. Мореншильду, учителям школ, где мы были, а также всем местным общественным деятелям и гражданам, с которыми нам приходилось иметь дело.

В заключение позволяем себе обратить внимание на настоятельную надобность осуществить практические мероприятия: обеспечить восточную часть полуострова медицинской помощью и школами в лопарских погостах (Семиостровский), восстановить вехи по основным направлениям в тундре, содействовать подъему лопарского хозяйства и придти на помощь хозяйству Терского берега.

Нашими пожеланиями научно-исследовательского порядка, вытекающими из опыта экспедиции, являются следующие: продолжать исследования, перенести их и в западную часть Мурманской губ., организовав дополнительно лингвистические и археологические работы, осуществить изучение торосового промысла и рыболовства на Терском берегу совместно с биологами и экономистами и начать систематические работы по исправлению географической карты и производству съемки Кольского полуострова.

Проведя экспедиционные работы и представляя настоящий предварительный отчет, за которым в ближайшее время последуют спе-

циальные работы по антропологии, гигиене и этнографии лопарей, мы участники зимней экспедиции 1927-го года, будем вознаграждены, если, наша работа даст толчок для дальнейшей интенсивной и планомерной исследовательской деятельности на Кольском полуострове и тем более среди лопарей, нуждающихся не только в изучении, но и в облегчении их тяжелого положения, требующего большего внимания, чем было до сих пор.

EXPEDITION ETHNOLOGIQUE EN LAPONIE.

La pensée première de l'organisation d'une expédition hivernale pour l'étude des Lapons date de 1923—24. Depuis, des excursions isolées ont été accomplies à plusieurs reprises. Enfin, en Janvier de l'année courante la Société Russe de Géographie se trouvait en mesure d'entreprendre une Expédition Ethnologique chez les Lapons, composée du professeur D. A. Zolotarev—anthropologiste, placé à sa tête, du médecin F. G. Ivanov-Diatlov et de l'ethnographe V. V. Tcharnolousky.

L'expédition avait pour tâche une investigation des Lapons, qui se sont conservés au nombre de 1643, aux points de vue anthropologique, medico-hygiénique et ethnographique. A la base du travail étaient placées les mensurations anthropologiques.

L'expédition ayant commencé ses travaux à Poulouzero, station du chemin de fer du Mourman, traversa en traîneaux à rennes les villages du Lovosero, Laosero, Semioistrov, Kamensky, Yokanga jusqu'à Ponoj, à la gorge de la mer Blanche. De là Zolotarev se rendit avec des rennes le long du littoral Tjersky à la station de chemin de fer Kandalaksha, tandis que ses compagnons, rentrés au village hivernal de Yokanga y restèrent ainsi que dans les villages estivaux de Yokanga et Loumbovsky jusqu'au 2 avril, quand ils purent aller en bateau à Mourmansk.

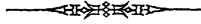
Après avoir séjourné au village de Kildine, à Kola et Taibola, les collaborateurs achevèrent leur travail au commencement de mai pour rentrer à Leningrad.

Profitant du séjour des Lapons dans leurs villages hivernaux (les «pogostes»), où ils vivent de façon sédentaire pendant 4 à 5 mois, l'expédition put visiter presque tous les pogostes de la partie Est de la presqu'île de Kola et soumettre à l'investigation anthropologique et à un examen médical plus de 300 Lapons, près de 150 Russes, 30 Zyrianes de l'Ijma (Komi) et quelques Samoyèdes. Les matériaux recueillis permettent de juger des particularités anthropologiques et de la constitution physique des Lapons, de leur état de santé, de leurs maladies, des conditions d'hygiène publique caractérisant leur existence. Les observations ethnographiques donnent une idée de leurs vêtements, de leurs habitations, de leurs moyens de locomotion et de leur existence économique, notamment de la culture du renne, des industries de pêche, de chasse et aussi de la culture intellectuelle des Lapons. Les Lapons de l'Est apparaissent

comme les plus solides et les plus stables au point de vue économique. L'influence des voisins, surtout celle des Russes, se fait grandement sentir, tant pour le type physique que dans la culture des Lapons. Pendant ces dernières périodes décennales depuis 1887, lorsque les Zyrianes de l'Ijma venant de la région de la Petchora, firent leur première apparition dans la presqu'île de Kola, se fixant à Lovosero, les Lapons subissent une influence puissante de la part des Zyrianes (Komi). Ces derniers, plus forts aux points de vue physique, culturel et économique, exercent une action oppressive sur les Lapons, les refoulant peu à peu au second plan et s'appropriant les pâturages de rennes.

En étudiant la situation de la culture du renne, l'Expédition a recueilli des matériaux pour dresser une carte des pâturages de rennes et des déplacements saisonniers des Lapons pour les besoins de leur régime économique fondé sur l'exploitation du renne et sur la pêche.

L'expédition a enregistré pas mal de contes, de chansons, de devinettes, de dictons etc., caractérisant la poésie populaire laponne et les particularités de la langue, présentant aussi plusieurs dialectes. Les travaux de cette expédition ne sont que le commencement d'investigations systématiques en train de se continuer, pour être en 1928 étendues sur la partie ouest de la région du Mourman.

Liste d'illustrations. Списание иллюстраций:

1) Лопарский погост (Иоканга). Village lapon (Yokanga)	3
2) Маршрутная карта экспедиции. Carte itinéraire de l'expédition	5
3—4) Пожилой лопарь из Иоканги, фас и профиль. Type de lapon âgé—face et profil (Yokanga)	6—7
5) Лопарская девушка (Иоканга). Jeune fille laponne (Yokanga)	8
6) Самоедка—жена лопаря (Иоканга). Samoyède—femme de lapon (Yokanga)	9
7) Ижемец с оленями около своего дома (Ловозеро). Zyriane de l'ljma avec rennes près de sa maison (Lovozero)	11
8) Олени в праздничной упряжи (Ловозеро). Rennes en attelage de fête (Lovozero)	11
9) На второй день свадьбы у ижемцев (Ловозеро). Lendemain de nocce chez des Zyrianes de l'ljma (Lovozero)	12
10) Ижемки в праздничных нарядах (Ловозеро). Femmes zyrianes de l'ljma en habits de fête (Lovozero)	13
11) В гостях на празднике (Ловозеро). Visite de jour de fête (Lovozero)	14
12) Лопарский съезд Советов. Réunion de délégués des Soviets communaux (Lovozero)	15
13) У камелька (Семиостровский). Près de la cheminée (Semioistrov)	17
14) На свадебном «пиру» (Семиостровский). Festin de nocce chez des lapons (Semioistrov)	19
15) Лопарь из Иоканги. Lapon de Yokanga	20
16) Молодая лопарка из Иоканги. Jeune femme de Yokanga	21
17) Улица в Каменском погосте. Rue du village de Kamenski	23
18) Каменский погост. Village de Kamenski	23
19) Каменские лопари. Famille laponne (village de Kamenski)	24
20) Лопарские девушки с прутьями для веников (Иоканга). Jeunes filles portant des verges pour faisceaux de balai (Yokanga)	25
21) Лопарь из Иоканги. Lapon de Yokanga	27
22) Иокангские девушки-сестры. Jeunes filles laponnes-soeurs (Yokanga)	28

23) За чайным столом у камелька (Иоканга). Société prennent le thé près de la cheminée (Yokanga)	29
24) Русский из Поноя. Russe du village de Ponoу	31
25) Русские из Пялицы. Russes du village de Pialitza	33
26) Ловля наваги в р. Пялице. Pêche de la navagha dans la rivière de Pialitza	35
27) Русская школа в с. Пялице. Ecole russe à Pialitza	36
28) Лопарская школа в Кильдинском погосте. Ecole laponne au village de Kildine	37
29) Лопарская тупа (Семиостровский). Toura (habitation) laponne (Semiostroy)	39
30) Защита входа в тупу от ветра (Иоканга). Défense contre le vent à l'entrée d'une toura	41
31) Изготовление ниток из оленьих сухожилий (Иоканга). Préparation de fil avec des tendons de renne (Yokanga)	43
32) Лопарская изба в Иоканге. Isba (maison paysanne) de lapons (Yokanga)	45

Иллюстрации исполнены по фотографиям автора.
Les illustrations sont faites d'après les photographies de l'auteur.